

Судьба российской крестьянской общины в условиях аграрных преобразований 1917–1950-х гг. (на материалах Вятского региона)

Чемоданов Игорь Владиславович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: igor.che.modanov@gmail.com

Аннотация. Судьба российского крестьянства в первые десятилетия советской власти складывалась весьма драматично. Специфика форм хозяйствования в период с 1917 г. до середины XX в. еще долго будет привлекать внимание ученых-исследователей и организаторов производства. Анализ исторического опыта осуществления модернизации аграрного сектора чрезвычайно важен в наше время для определения более рациональных и эффективных экономических преобразований в аграрной политике и выработки разумных перспектив на будущее. Цель данной статьи – выявление тенденций и процессов, происшедших в среде российского общинного крестьянства в 1917–1950-х гг. Коллективизация оценивается как специфический вариант раскрестьянивания, который предполагал длительную консервацию общинных традиций в рамках колхозной системы и в то же время – формирование новой аграрной элиты. Колхоз представлял собой модернизированную крестьянскую общину с преобладанием коллективного труда и гораздо более высоким уровнем обобществления средств производства. В ходе массовой коллективизации и функционирования колхозной системы в ее классическом виде происходило становление протобуржуазных тенденций как ведущего фактора социальной эволюции деревни. Автор приходит к выводу, что в результате аграрных преобразований 1917–1950-х гг. происходила трансформация российской крестьянской общины в колхозную систему, которая представляла собой своеобразный, специфический вариант первоначального накопления капитала на селе. Под колхозной (внешне «социалистической») оболочкой происходило постепенное изживание эгалитарно-общинных установок и формирование сельской буржуазии. Изучение аграрных преобразований 1917–1950-х гг. позволяет критически осмысливать и использовать накопленный исторический опыт в аграрной политике, в деятельности современных властей и предпринимательских структур в деревне.

Ключевые слова: крестьянство, община, сельское хозяйство, модернизация, коллективизация.

В XIX – первой половине XX в. Россия переживала сложный и противоречивый процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу. Для обозначения данного процесса в современной литературе широко используется термин «модернизация» [12; 13; 14]. Кульминация модернизационного перехода в нашей стране приходится на конец 1920-х – 1930-е гг., когда осуществилась массовая коллективизация деревни и были заложены основы колхозной системы [6; 7; 11]. Непременной составляющей процесса модернизации является раскрестьянивание, что предполагает пролетаризацию большей части сельского населения и формирование протобуржуазии.

В России попытки становления буржуазной прослойки в сельском хозяйстве в ходе реформ второй половины XIX – начала XX в. (отмена крепостного права, столыпинские аграрные преобразования) имели весьма ограниченные результаты [5; 9; 10]. Становление протобуржуазных тенденций как ведущего фактора социальной эволюции деревни происходило в 1930–1950-е гг., в ходе массовой коллективизации и функционирования колхозной системы в ее классическом виде [8]. Сам этот процесс активно развивался в 1970–1980-е гг. внутри социального слоя колхозных управленцев, постепенно конвертировавших возможности распределения аграрного продукта и регулирования общественного производства в деньги и частную собственность, специалистов, элиты сельскохозяйственных рабочих (квалифицированных рабочих, механизаторов), осуществлявших наряду с управленцами скрытую «приватизацию» средств производства и выстраивавших на этой базе новый механизм эксплуатации деревни [1, с. 25].

Специфика советского (колхозного) варианта раскрестьянивания, который нашел свое наивысшее воплощение в массовой коллективизации, заключалась в том, что происходило не столько разрушение крестьянской общины, сколько трансформация ее в колхозную систему.

Колхоз представлял собой не что иное, как модернизированную крестьянскую общину с преобладанием коллективного труда и гораздо более высоким уровнем обобществления средств производства. И традиционалистская (общинная) парадигма надолго консервировалась в мышлении основной массы советского колхозного крестьянства.

Внутри колхозного крестьянства наблюдались две противоположные тенденции. С одной стороны, в колхозе (так же, как ранее в общине), безусловно, имели место эгалитарные установки, прослеживалось стремление к социальной нивелировке. В суровых условиях нехватки ресурсов община делала изгоями всех тех, кто так или иначе выделялся из общей массы, чей образ жизни мог быть истолкован как странный, чужой или маргинальный. Социальному ostracismu подвергались не только те, кто проявил себя в период коллективизации как активный ее сторонник. Новые активисты, часто молодые женщины, которые предпочитали общине новый порядок, могли также ощутить на себе враждебность соседей из-за нарушения устоев. К выдающимся работникам, ударникам, а позже стахановцам зачастую относились как к штрейкбрехерам, которые стремятся превзойти соседей и выслужиться перед начальством, часто ради материального вознаграждения, но иногда и ради краткой похвалы, по зову долга или веры. Понятие «ударник» в некоторых случаях стало заменой уничижительного термина «бедняк».

Рационализаторскую инициативу и трудовой энтузиазм гасили «уравниловка» и «обезличка». По мере утверждения колхозного строя борьба с подобного рода негативными явлениями, безусловно, велась, но не везде одинаково успешно. Приведем ряд примеров по Кировскому краю (бывшей Вятской губернии). До массовой коллективизации это был регион с абсолютным господством общинно-чересполосной формы землепользования, прочными коммунарными традициями и ярко выраженным «осереднячиванием» деревни. В Кильмезском районе, где на тот момент насчитывалось 185 колхозов, за неполные девять месяцев 1936 г. (с 1 января по 20 сентября) состоялось 34 переизбрания председателей (18,4 %). Высокий уровень текучести руководящих кадров был связан с тем, что председатели колхозов разными способами и под разными, часто надуманными, предлогами (манкирование работой, симулирование болезни и так далее) стремились поскорее избавиться от возложенных на них должностных обязанностей, поскольку высокий уровень ответственности явно не соответствовал их весьма скромным зарплатам (за председательствование начислялось от 20 до 35 трудов дней). Дело доходило до курьеза, когда, например, председатель Домаскинского колхоза Е. А. Буяков был снят с должности председателя «за систематическое пьянство», однако после своего избавления от непосильной председательской ноши он на удивление быстро перестал злоупотреблять спиртным и начал добросовестно работать в родном колхозе в качестве простого труженика [15, л. 90–91]. В 1936 г. Кировский крайком ВКП(б) и крайисполком (КИК) приняли постановление о введении гарантированной оплаты труда председателей колхозов, по поводу чего со стороны части колхозников Черновского района можно было слышать такие высказывания: «Если нам председателя колхоза оплачивать так, как решено крайкомом и КИК, то мы будем работать только на председателя, а самим ничего не останется». Подобного рода эгалитарные настроения колхозников создавали немалые трудности для работы председателей (особенно в чрезвычайных условиях засухи, охватившей Кировский край в 1936 г.). Председатель колхоза им. Сталина Вершинин сетовал, «что есть такие колхозники, которые рассматривают председателя колхоза как врага (за то, что выплачивает аккуратно все гособязательства и будет получать гарантированную оплату)» [15, л. 173–174].

Эгалитарные установки, исповедуемые значительной частью сельского населения, препятствовали развитию колхозного производства. Весьма показателен случай, произошедший в Вахреневском колхозе Черновского района. 3 марта 1936 г. там дважды пыталась покончить жизнь самоубийством через повешение колхозница-стахановка М. А. Филатьева. Дело обстояло следующим образом. В 1936 г. в колхозе было организовано стахановское звено во главе с М. А. Филатьевой. Она взяла на себя ряд обязательств по повышению урожайности льна и обратилась на собрании к председателю колхоза С. Г. Филатьеву с просьбой дать ей лошадь для вывозки удобрения. Председатель на это ничего ей не ответил, вместо него выступил кладовщик П. В. Филатьев, который заявил: «Тебе привезти бочку с удобрениями, привязать на шею и ходить (так в документе. – И. Ч.), вот и будешь стахановка». А единоличник Д. О. Филатьев добавил: «Пока тобой здесь не пахло, то все было хорошо, а теперь всех мутишь; ты добиваешься, как бы получить только премию». Руководство колхоза посылало стахановку М. А. Филатьеву на самые тяжелые работы, отказывало в выдаче хлеба и всячески высмеивало ее, что в конечном итоге и послужило причиной попыток самоубийства [16, л. 22]. В колхо-

зе им. Чапаева (Тужинский район) колхозница Н. П. Разумова хотела показать пример качественного выращивания льна. По ее инициативе было создано стахановское звено, но председатель колхоза Гагаринов перевел ее в конюхи [17, л. 233–234].

В Воткинском районе вопросы развития стахановского движения в связи с уборочной кампанией 1937 г. «прошли мимо районного комитета партии». В райкоме не могли назвать имени ни одного стахановца. И хотя в районе было немало колхозников, которые демонстрировали прекрасные результаты, однако поддержка им со стороны районных организаций, МТС и руководства колхозов не оказывалась, а их «прекрасные начинания попросту часто скрывались» [18, л. 22].

В 1937 г. в целом ряде колхозов Лебяжского района высокие результаты работы стахановских звеньев и отдельных стахановцев при обмолоте зерна были слиты с общеколхозными показателями. В колхозе «Юпитер» Мысовского сельсовета создание стахановских звеньев и бригад дало основание его руководству объявить стахановским весь колхоз, хотя далеко не все колхозники взяли на себя стахановские обязательства [19, л. 11]. Во многих сельсоветах Макарьевского района стахановские звенья, формально организованные весной 1937 г., фактически распались еще до начала уборочной [19, л. 21].

Обеспечение внутреннего единства, которое всегда было присуще селу и небольшим общинам, могло перерасти в погоню за единообразием, когда крестьяне выступали против тех односельчан, которые так или иначе отличались от остальных. Слой чужаков и маргиналов особенно выделялся среди жертв репрессий в период, последовавший за кампанией по коллективизации. «Бывшие люди» – представители старых, сошедших с исторической сцены элитарных слоев, все те, кто в общественном сознании был тесно связан с дореволюционным режимом, например, помещики, торговцы, лавочники, духовенство, деревенские и волостные старосты, царские офицеры и полицейские, – подвергались свирепым нападкам как сверху, так и снизу. Группы общества, относившиеся к «бывшим людям», служили традиционными объектами неприязни со стороны крестьян. В условиях голода и разорения именно среди них начинали искать виновных и могли преследовать их, применяя к ним те же приемы, что и к активистам в годы коллективизации. Другие категории «отщепенцев» или близких к ним, как, например, сезонные рабочие, ремесленники и представители сельской интеллигенции, в то время также становились жертвами гонений [3, с. 278–281]. В годы массовых репрессий именно «чужаки» попадали в «группу риска», поскольку, выделяясь из основной массы «общинников» (в широком смысле слова), они вызывали по отношению к себе недоверие, подозрение, зависть, желание свести счеты, отомстить, расквитаться и так далее.

Третирирование «чужаков» представляло собой защитный механизм, который призван был препятствовать возможному (а в условиях модернизационного скачка – и неизбежному) размыванию пространства общинного социума, крестьянского «мира». С другой стороны, колхозная деревня (так же, как ранее дореволюционная и нэповская) никогда не являлась полностью гомогенной в социальном отношении. Хотя массовая коллективизация с сопровождавшим ее раскулачиванием и призваны были устранить социальную почву для возрождения «капиталистических элементов» и реставрации эксплуататорских отношений в деревне, но в недрах колхозной общины (вопреки доминирующим эгалитарным установкам) подспудно выстраивалась своя иерархия, и из общей массы рядовых колхозников выделялись новые элитарные слои, которые можно считать зачаточными элементами формирующейся протобуржуазии. Таким образом, новый колхозный порядок формировался на фоне попыток самозащиты и тенденции к саморазрушению крестьянской общины. Сама политика коллективизации, избранная сталинским руководством, предполагала, в конечном итоге, ликвидацию общинной организации крестьянства [4, с. 23].

Следует иметь в виду, что, начиная с 1917 г. и примерно до середины XX в., в российской деревне неоднократно происходила смена аграрных элит, ибо кардинальная смена политического курса неизбежно предполагает хотя бы частичное снятие прежнего правящего слоя и выдвижение новых руководящих кадров. В первые десятилетия советской власти активно действовал «социальный лифт». Те амбициозно настроенные люди, которые стремились на вершину пирамиды и претендовали на освободившиеся вакантные места, готовы были поддерживать аграрную политику большевиков (коммунистов), но лишь постольку, поскольку она соответствовала их личным интересам, и только до тех пор, пока она им соответствовала. Процесс смены элит был весьма драматичным (а подчас – и трагическим). Триумф одних нередко оборачивался фиаско для других.

Первый слой аграрной элиты был снят еще в годы Гражданской войны, когда произошла ликвидация помещичьего землевладения и осуществлено первое масштабное раскулачивание. Имел место своеобразный «общинный ренессанс», который можно рассматривать, с одной стороны, как попытку практического воплощения в жизнь вековых чаяний крестьянства произвести «черный передел» и стать «вольными хозяевами на вольной земле», а с другой – как болезненную реакцию на столыпинские аграрные преобразования, подрывавшие единство крестьянской общины. Правда, слой кулачества был частично регенерирован в годы НЭПа. Следует, однако, иметь в виду, что значительная часть кулаков нэповской формации не имела дореволюционных корней и сумела выдвинуться благодаря удачному для них стечению обстоятельств, сопряженных с военно-революционным лихолетьем: «черный передел» как результат практической реализации Декрета о земле, присвоение и перераспределение помещичьего инвентаря, частичная конфискация имущества зажиточной верхушки, а для кого-то – и откровенный криминал (грабеж, воровство, спекуляция и прочие темные махинации), который всегда поднимает голову в периоды смут (подобного рода типаж нового «хозяина деревенской жизни» прекрасно изображен М. А. Шолоховым в романе «Поднятая целина» в образе кулака нэповского происхождения, выбившегося из бедняков, – Тита Бородина). Благодаря действию указанных факторов в первые годы советской власти происходило относительное выравнивание стартовых возможностей крестьянских хозяйств («осереднячивание»), и в руках будущих «хозяев деревенской жизни» появлялись источники первоначального накопления.

Но торжество нэповских кулаков было недолгим. Очередная смена аграрной элиты произошла в конце 1920-х – 1930-е гг. в результате массовой коллективизации, которая сопровождалась гораздо более масштабным раскулачиванием (по сравнению с тем, что имело место ранее, в годы Гражданской войны). Социальные издержки этого процесса очевидны. Но не следует забывать и то обстоятельство, что многие вчерашние бедняки и батраки, которые в случае сохранения в деревне прежнего (нэповского) порядка обречены были до конца жизни пахать землю деревянной сохой и искать милости богатого односельчанина (и перспектив изменения подобного рода ситуации к лучшему они для себя не видели), теперь, благодаря радикальной ломке прежнего уклада, получали широкие возможности для карьерного роста: они становились председателями колхозов, заведующими фермами, бригадирами, механизаторами, мелиораторами, агрономами, зоотехниками, ветеринарами и так далее. Кто-то проиграл – а кто-то и выиграл.

Таким образом, на протяжении всего периода 1917–1950-х гг. часть крестьян готова была поддерживать аграрные преобразования советской власти (даже наиболее радикальные, наиболее болезненные из них с точки зрения воздействия на традиционный крестьянский уклад, которые мыслились как «социалистические» и именно в таком качестве преподносились в научной литературе и официальной пропаганде), руководствуясь при этом не столько идейными (хотя были среди крестьян, безусловно, и искренние приверженцы коммунистической идеологии), сколько утилитарно-прагматическими соображениями. Эти люди, являясь носителями мелкобуржуазной психологии, приветствовали коллективизацию и колхозный строй, но лишь постольку, поскольку аграрные институты, создаваемые советской властью, способствовали повышению их социального статуса или, по крайней мере, создавали благоприятные перспективы для этого [20, с. 134].

Аналогичные процессы происходили и в городе. Оно и неудивительно. Ведь вчерашние крестьяне, в первые десятилетия XX в. формально порывавшие связь с деревней, вольно или невольно приносили в город свои, крестьянские (мелкобуржуазные, мелкособственнические) моральные нормы, ценностные установки, стереотипы, принципы и устремления, передавая их последующим поколениям. Происходило взаимовлияние и взаимопроникновение города и деревни. С одной стороны, городская культура и быт постепенно проникали в толщу деревенской жизни, а высокие потребительские стандарты горожан и городской стиль жизни малопомалу усваивались сельским населением, но, с другой стороны, и деревня накладывала свой отпечаток на городской социум. В условиях масштабного и относительно быстрого по историческим меркам наплыва раскрестьяненных масс в города параллельно с процессом урбанизации происходил процесс «окрестьянивания» города, а значит – укоренение среди различных слоев городских тружеников мелкособственнической психологии.

Когда же конечная цель оказывалась достигнутой («я – наверху, дети – пристроены и обеспечены»), то колхозный (и – шире – советский) строй становился уже ненужным, и пред-

ставители правящей элиты берут курс на его демонтаж, с таким, однако, расчетом, чтобы сохранить свое привилегированное положение и максимально полно конвертировать высокий социальный статус, обретенный ими при советской власти, в деньги и частную собственность на средства производства. Что мы в принципе и наблюдаем с середины 1950-х гг. до конца советского периода, когда происходит свертывание классической колхозной системы (наступление на личные подсобные хозяйства, перевод колхозников на гарантированную зарплату без начисления трудовых, отмена обязательных госпоставок, ликвидация системы МТС), а затем – окончательное перерождение колхозной системы в государственный аграрно-капиталистический механизм. Именно в этом – ключ к пониманию проблемы пресловутого «буржуазного перерождения» партийно-государственной номенклатуры и крушения советского строя. В конечном итоге в деревню (и в страну в целом) обходным путем пришел капитализм «через государственную форму, для обеспечения властвования названную социализмом» [2, с. 607].

Таким образом, в результате аграрных преобразований 1917–1950-х гг. происходила трансформация российской крестьянской общины в колхозную систему, которая представляла собой своеобразный, специфический вариант первоначального накопления капитала на селе. Под колхозной (внешне «социалистической») оболочкой происходило постепенное изживание эгалитарно-общинных установок и формирование сельской буржуазии.

Список литературы

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 23–44.
2. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М. : ЛЕНАРД, 2014. 608 с.
3. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 367 с.
4. Вознесенская Е. И. Общинная организация вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917–1930 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. 26 с.
5. Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 599 с.
6. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М. : Наука, 2006. 315 с.
7. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М. : Институт Российской истории РАН, 2000. 350 с.
8. Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М. : Политическая энциклопедия, 2013. 280 с.
9. Костина Е. Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2010. 146 с.
10. Мусихин В. Е. Вятские крестьяне в начале XX века // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. Киров : Областная писательская организация, Администрация Кировской области, Вятская торгово-промышленная палата, 1995. С. 282–297.
11. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 285 с.
12. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 240 с.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
15. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 356.
16. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 55.
17. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 287.
18. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 292.
19. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 351.
20. Чемоданов И. В. Сельское хозяйство и крестьянство Вятского региона в условиях модернизации (1928–1941 гг.). Киров : Старая Вятка, 2016. 364 с.

The fate of the Russian peasant community in the conditions of agrarian transformations of the 1917–1950s (based on the materials of the Vyatka region)

Chemodanov Igor Vladislavovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: igor.che.modanov@gmail.com

Abstract. The fate of the Russian peasantry in the first decades of Soviet power was very dramatic. The specifics of the forms of management in the period from 1917 to the middle of the XX century. it will attract the attention of research scientists and production organizers for a long time. The analysis of the historical experience of the modernization of the agricultural sector is extremely important in our time to determine more rational and effective economic transformations in agricultural policy and develop reasonable prospects for the future. The purpose of this article is to identify trends and processes that took place among the Russian communal peasantry in the 1917–1950s. Collectivization is assessed as a specific variant of de-farming, which assumed a long-term preservation of communal traditions within the collective farm system and at the same time – the formation of a new agrarian elite. The collective farm was a modernized peasant community with a predominance of collective labor and a much higher level of socialization of the means of production. In the course of mass collectivization and the functioning of the collective farm system in its classical form, proto-bourgeois tendencies emerged as a leading factor in the social evolution of the village. The author comes to the conclusion that as a result of the agrarian transformations of the 1917–1950s, the transformation of the Russian peasant community into a collective farm system took place, which represented a peculiar, specific variant of the initial accumulation of capital in rural areas. Under the collective-farm (outwardly "socialist") shell, the egalitarian-communal attitudes gradually disappeared and the rural bourgeoisie was formed. The study of the agrarian transformations of the 1917–1950s makes it possible to critically comprehend and use the accumulated historical experience in agrarian policy, in the activities of modern authorities and business structures in the countryside.

Keywords: peasantry, community, agriculture, modernization, collectivization.

References

1. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Agrarnyj stroj Rossii v 1930–1980-h godah (novyj podhod)* [The agrarian system of Russia in the 1930s–1980s (a new approach)] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 2005. No. 7. Pp. 23–44.
2. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Agrarnyj stroj Rossii 1930–1980-h godov* [The agrarian system of Russia of the 1930s–1980s]. M. LENARD. 2014. 608 p.
3. Viola L. *Krest'yanskij bunt v epohu Stalina: Kollektivizaciya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the Stalin era: Collectivization and the culture of peasant resistance]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) : Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 2010. 367 p.
4. Voznesenskaya E. I. *Obshchinnaya organizaciya vyatskogo krest'yanstva v sovetskoj dokolhoznoj derevne (1917–1930 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk* [Communal organization of the Vyatka peasantry in the Soviet pre-kolkhoz village (1917–1930) : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Izhevsk. 2008. 26 p.
5. Dubrovskij S. M. *Stolypinskaya zemel'naya reforma: Iz istorii sel'skogo hozyajstva i krest'yanstva Rossii v nachale XX v* [Stolypin land reform: From the history of agriculture and the peasantry of Russia at the beginning of the XX century]. M. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1963. 599 p.
6. Zelenin I. E. *Stalinskaya "revolyuciya sverhu" posle "velikogo pereloma". 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezul'taty* [Stalin's "revolution from above" after the "great turning point". 1930–1939: policy, implementation, results]. M. Nauka (Science). 2006. 315 p.
7. Ivnickij N. A. *Repressivnaya politika Sovetskoj vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [The repressive policy of Soviet power in the countryside (1928–1933)]. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2000. 350 p.
8. Kedrov N. G. *Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'yanstva Russkogo Severa v 1930-e gody* [Bast shoes of Stalinism. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s]. M. Political Encyclopedia. 2013. 280 p.
9. Kostina E. G. *Realizaciya stolypinskoj agrarnoj reformy v Vyatskoj gubernii* [Implementation of Stolypin agrarian reform in Vyatka province]. Kirov. VyatSHU Publishing House. 2010. 146 p.
10. Musihin V. E. *Vyatskie krest'yane v nachale XX veka* [Vyatka peasants at the beginning of the XX century] // *Enciklopediya zemli Vyatskoj. T. 4. Istoriya – Encyclopedia of the Vyatka land. Vol. 4. History*. Kirov. Regional Writers Organization, Administration of the Kirov region, Vyatka Chamber of Commerce and Industry. 1995. Pp. 282–297.
11. Nefedov S. A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizacii* [Agrarian and demographic results of Stalinist collectivization]. Tambov. Publishing House of TSU n. a. G. R. Derzhavin. 2013. 285 p.

12. *Poberezhnikov I. V. Perekhod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii* [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2006. 240 p.
13. *Toffler E. Tret'ya volna* [The third wave]. M. AST. 1999. 784 p.
14. *Huntington S. Stolkновение civilizacij* [Clash of Civilizations]. M. AST. 2003. 603 p.
15. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. P-1255. Inv. 2. File 356.
16. CSAKR. F. P-1290. Inv. 1. File 55.
17. CSAKR. F. P-1290. Inv. 1. File 287.
18. CSAKR. F. P-1290. Inv. 1. File 292.
19. CSAKR. F. P-1290. Inv. 2. File 351.
20. *Chemodanov I. V. Sel'skoe hozyajstvo i krest'yanstvo Vyatskogo regiona v usloviyah modernizacii (1928–1941 gg.)* [Agriculture and the peasantry of the Vyatka region in the conditions of modernization (1928–1941)]. Kirov. Old Vyatka. 2016. 364 p.